

УДК 321.64

Воронин С.А.*(г. Москва)*НАЦИОНАЛИЗМ РАЗВИТИЯ:
НЕОБОНАПАРТИСТСКИЙ РЕЖИМ СУХАРТО

Аннотация. Автор ставит задачу выяснить причины изменения политического курса Индонезии, заложенного президентом Сукарно, в период нахождения у власти генерала Сухарто. Дается характеристика и оценка политической системы Сухарто, как военно-бюрократического режима бонапартистского характера. В статье анализируется идеология неонапартизма Сухарто, становление и развитие режима «нового порядка». Особенный интерес автора привлекает проблема восстановления чистоты принципов «Панча сила», осуществленных Сухарто, рассматривается роль партии власти – Голкар. Автор с критических позиций сравнивает, выявляя общее и особенное в политических режимах Сукарно и Сухарто, акцентируя внимание на основном источнике взглядов обоих лидеров в виде концепции «готонг-районг», разработанной Деванторо.

Ключевые слова: Сухарто, национализм развития, Голкар, «Панча сила», неонапартизм, яванская политическая культура.

S. Voronin*(Moscow)*NATIONALISM OF DEVELOPMENT:
NEOBONAPARTISM OF SUHARTO'S REGIME

Abstract. The author sets a task to find out the reasons for policy changes in Indonesia, pledged by President Sukarno while General Suharto was at power. The author describes and assesses the political system of Suharto as a military-bureaucratic regime of Bonaparte character. The article examines the ideology of neobonapartism intrinsic to Suharto's regime, formation and development of the "new order." Of particular interest of the author draws the problem of restoring purity of principles "Pancha Shila" carried out by Suharto, examines the role of the ruling party Golkar. The author critically compares political regimes of Suharto and Sukarno, identifying general and specific features in them, emphasizing the main source of the views of both leaders in the form of the concept of "gotong-rayong" developed by Devantoro.

Key words: Suharto, nationalism, development, Golkar, "Pancha shila" neobonapartism, Javanese political culture.

Характеризуя развитие Индонезии в период нахождения у власти Сукарно, Н.Э. Севортян ставит его режиму абсолютно верный диагноз: «Демократия сыграла с Индонезией злую шутку, она не стала универсальной отмычкой для всех замков. Болезни режима носили неизлечимое свойство, они гнездились в самой невозможности имплантации жизненно важных, но чужеродных органов в тело индонезийского общества, и выздоровление могло прийти только через смерть режима» [11, с. 225–226].

В 1965–1967 гг. патриархально-авторитарное лидерство Сукарно сменилось военно-бюрократическим режимом бонапартистского характера. Личная диктатура, т. е. сверхконцентрация власти в руках одного лидера уступила место диктатуре армии как части государственного аппарата. Это и есть необонапартизм новейшего времени, режим «господства обнажённой сабли», провозглашённый в конце 50-х гг. XIX в. Луи Бонапартом [9, с. 412–413]. В новых условиях армия осуществляла и поддерживала собственное господство, персонифицировала общество и его интересы.

В период развития индонезийской политической модели необонапартизм получил наименование режима «нового порядка». В данном исследовании не ставится цель подробно проанализировать развитие Индонезии с конца 60-х до конца 90-х гг. (время пребывания Сухарто у власти), однако необходимо остановиться на основных тенденциях развития политического режима. Прежде всего, генерал Сухарто предпринял активные меры по прекращению хаоса в экономике, с которым молодое поколение индонезийцев уже начало ассоциировать понятие «независимость». Сухарто стал активным инициатором экономического развития и формирования модели процветания Индонезии. Поэтому населением страны он был титулован «отцом народа и развития», в отличие от Сукарно – романтика, апологета революционной фразеологии, «великого вождя революции». Подход Сухарто к развитию индонезийского общества изначально был построен на исключительно сбалансированном прагматизме. Основным вектором его доктрины стала убедительная сила стабильности, противопоставленная сукарновскому видению экономики сквозь призму идеологических нагромождений и магических акронимов.

В марте 1966 г. был взят курс на «экономическую демократию». В 1968 г. V сессия Временного народного консультативного конгресса (ВНКК) отменила все решения, отражавшие концепции Сукарно по общественному переустройству. Генеральной задачей стало восстановление контактов и связей с иностранным капиталом, власти и бизнеса.

В канун 1967 г. парламент принял закон № 1 об иностранном капитале, подписанный находящимся под домашним арестом, но сохранившим пост главы государства Сукарно. Это означало экономическую мобилизацию и открытый доступ иностранного капитала во все отрасли национального хозяйства. В 1968 г. было заключено соглашение с США. Правительство Индонезии давало американским частным инвесторам беспрецедентные гарантии, страхуя все возможные риски, даже в случае возникновения форс-мажорных обстоятельств. С начала 70-х гг. осуществлялась новая демографическая политика, позволившая ограничить рост рождаемости [10, с. 192–193]. Во времена Сухарто период «направляемой демократии» (1959–1965гг.) стали называть «старым порядком», соответственно, новый режим – «новым». Однако «новый порядок» нуждался в идеологии, легитимирующей его существование. Был необходим каркас возводимого здания политического режима.

Идеологическую деятельность Сукарно конца 50-х и 1-ой половины 60-х гг. можно уподобить, по мнению В.В. Сумского, «методичному наращиванию причудливых архитектурных излишеств на нескольких простых и в то же время достаточно прочных конструкциях. Потеряв чувство меры, позабыв, что возводит массивное здание на зыбкой политической почве, архитектор перестаёт рассчитывать перегрузки. В конце концов, не выдержав собственной тяжести и сильного внешнего толчка, идеологические «орнаменты» и «фризы» осыпаются на голову своего изобретателя. Но каркас сооружения сохранился, и новые строители ещё могут воспользоваться им в своих целях. «Для строителей» – идеологов «нового порядка» таким каркасом стали принципы Панча сила» [12, с. 40].

Сухарто провозгласил своего рода иджитхад концепции Панча сила. Он призвал «восстановить чистоту» Панча сила. После очищения принципов Панча сила от позднейших идеологических наслоений Сухарто перешёл к политике культа философии Панча сила. Идеологическим декором были объявлены и концепция индонезийского социализма и идеологические акронимы. Заслуга Сухарто как политического лидера состоит, прежде всего, в том, что он сумел вернуть политической системе Индонезии стабильность, предложив вместо широкого спектра невразумительных и малопродуктивных лозунгов-акронимов одну всем понятную и достаточно простую философию Панча сила. Выбор Панча сила как идеологии «нового порядка» практически носил безальтернативный характер. Как отмечает А.И. Ионова, историческое значение Панча сила «не могло не признаваться ни сторонниками, ни противниками «сухартовского руководства» [7, с. 36]. Интерпретация принципов Панча сила при Сухарто абсолютизировала принцип на-

ционального единства, окончательно уничтожая демократию как принцип западного парламентаризма. Любая форма демократии подразумевает наличие оппозиции. А оппозиция дезинтегрирует национальное единство, так как, согласно яванской политической культуре, в основе гармоничного общества лежит приоритет интересов социума (в новых условиях – нации) над интересами индивида или микроколлектива. В основе индонезийской модели – дух семейной сплочённости, опора на традиции, взаимопомощь. Несмотря на попытки «нового порядка» отречься от наследия «старого», в целом он стал продолжением традиций сукарновского режима, новым этапом в эволюции индонезийской политической модели. Режим «нового порядка» стал правопреемником политического наследия Сукарно по линии укрепления вертикали исполнительной власти, по подрыву влияния политических партий. При Сухарто эти тенденции получили дальнейшее развитие. Концепция Панча сила стала по существу идеологическим обоснованием усилившегося авторитаризма [12, с. 43]. А вооружённые силы, армия превратились в основополагающий элемент политической системы Индонезии. Усиление авторитарных тенденций не входило в противоречие с яванской концепцией власти, с патернализмом, присущим традиционным обществам, с военной традицией, считающей единоначалие незаменимым принципом [13, с. 21–22]. Тенденция к развитию однопартийной системы стартовала сразу же после прихода Сухарто к власти, с запрета деятельности Коммунистической партии Индонезии (КПИ). К началу 70-х гг. это направление носило определяющий характер политической системы страны. Активно боролся с многопартийностью и плюрализмом М. Каддафи в Ливии и другие политические деятели афро-азиатского региона. Как отмечает М. Дюверже в отношении политических режимов Востока: «Однопартийность может послужить первичной консолидации масс, которая позволит постепенно внушить им политические знания. Авторитарный режим, рождённый однопартийностью, в состоянии разрушить остатки феодализма и сформировать социальные предпосылки, необходимые для будущего развития политических свобод. Но крайне важно, чтобы структуры подобного переходного типа не ликвидировали бы надежду на либеральное развитие в будущем» [4, с. 555]. Военно-бюрократический авторитарный режим с опорой на партию власти на определённом историческом отрезке способствует модернизации и развитию, в перспективе оставляя возможность демократизации политической системы.

В начале 70-х гг. Сухарто осуществил радикальную перестройку партийной системы, означавшую на деле переход от многопартийнос-

ти, базирующейся на разделении партий на мусульманские, христианские и националистические, к однопартийности, сведённой к партии власти – Голкар. Партийная борьба при Сукарно создавала нестабильность, однопартийность при Сухарто стала гарантом порядка и развития. Основными направлениями в экономике стали прагматизм, ориентированный на либерализацию, приостановку инфляции, а также ориентация на Запад и Японию. В идеологической сфере был взят курс на реидеологизацию режима. Дж. Пикок пишет: «Прагматичный дух Хатты возродился, а дух Сукарно угас со смертью в июне 1970 г. «великого вождя революции» [20, с. 92]. Проследивая тенденцию развития эволюции идеологии в странах Азии и Африки, Б.С. Ерасов отмечал движение от революционного национализма к прагматизму [5]. Сухарто сумел создать модель политического лидерства, базирующегося на авторитаризме. В основе модели лежал синтез прагматичной модернизации и традиционных яванских ценностей с апелляцией к философии Панча сила. Сухарто удалось то, что не получилось у его предшественника – революционного харизмата.

Отличительной особенностью сухартовской модели стало усиление сакрализации режима при одновременной реидеологизации. Основой взглядов Сухарто был культ ценностей, заложенных яванской политической культурой [21, с. 55] и обозначенных с 1974 г. как доктрина «религиозного социализма». На этой волне происходил ренессанс образа Сукарно как символа единства. В основе идеологии Сухарто лежала концепция Панча сила, понимаемая как созидание и единство. Он заявлял: «Все религии, исповедуемые в Индонезии, предписывают своим последователям созидать. Религия утратит свой свет, если общество будет бедным, отсталым и слабым... Поэтому все верующие Индонезии должны плечом к плечу, тесно сплотясь в рамках национального и государственного единства, строить наше общество, «иного не дано» [12, с. 55]. Сухарто изменил вектор развития индонезийского общества. Сукарно настаивал на движении к модернизации и развитию во имя расцвета самобытности. Формулируя кредо религиозного социализма, Сухарто подчёркивал, что «это общество, основанное на принципах семейственности, сплочённости и религии, главными чертами которого станут нетерпимость к бедности, отсталости, разобщённости, эксплуатации человека человеком, капитализму, феодализму, колониализму и империализму, которые необходимо искоренять совместными усилиями. Люди должны верить в единого Бога, любить Отчизну, проявлять сочувствие к окружающим, быть трудолюбивыми и готовыми пожертвовать своими интересами во имя интересов нации» [16, с. 22–23]. Начать

движение по пути «религиозного социализма», по мнению Сухарто, необходимо с ограничения личных интересов и возрастания социальных обязанностей человека по отношению к коллективу, нации, государству [16, с. 22–23]. По своему теоретическому наполнению «религиозный социализм» Сухарто базировался на практике социодемократии Сукарно, которая в качестве теоретического источника опиралась на учение Ки Хаджара Деванторо. Взгляды Деванторо основывались на принципе готонг-районг, семейной сплочённости, на построении общества мира, согласия и спокойствия, свободного от эксплуатации и классовых антагонизмов. По Деванторо, «свободный человек» – это коллективный человек, бытиё которого – в осознании того, что он элемент коллектива и должен исполнять свои социальные обязательства. ««Свободный человек» должен «постоянно помнить об обязанности по поддержанию мира и спокойствия. Именно поэтому его деятельность не может быть направлена на угнетение и эксплуатацию» [18, с. 76–77]. В основу доктрины сукарновского национализма были положены тезисы Деванторо о неприемлемости для Индонезии западной политической модели, демократии, основанной на конкуренции политических партий; о сохранении самобытности в ходе модернизации [1, с. 125]. В этом смысле Сухарто двигался в фарватере взглядов Деванторо и Сукарно, внося в них прагматизм, сменив приоритеты и доминанты общественного развития.

Прагматизм в экономике выразился в политике либерализации, в формировании политической системы – в практике партийного строительства, создании партии власти – Голкар, учреждённой ещё в бытность у власти Сукарно в 1964 г. по инициативе военных в качестве противовеса существующим гражданским политическим партиям и представляющей собой объединение по профессиональному принципу в контексте инициативы Сукарно по созданию функциональных групп.

После провозглашения концепции о «двойной функции» армии, военные стали напрямую участвовать в экономической и политической жизни государства. Это привело к их включённости в государственно-бюрократический механизм на всех уровнях [3, с. 90–91]. От государственных служащих требовали лояльности по отношению к Голкар, часто принудительными методами. Отказ от голосования в пользу партии приводил к увольнению. Генерал Насутион называл Голкар «продолжением властной вертикали в бюрократии и вооружённых силах» [21, с. 76]. Руководящие органы партии возглавлялись политической элитой индонезийского государства. Они жёстко отслеживали выдвижение депутатов в национальный парламент и местные органы власти. Депутаты

были подотчётны только высшим чиновникам. Таким образом, население оказалось отрезанным от участия в политической системе и полностью подключённым лишь к инициативам партии власти. Е.В. Голубева констатирует: «Совпадение программы и политического курса ГОЛКАРА с позициями стоящей у власти группировки – наглядное подтверждение того, что это не правящая партия (в западном смысле этого слова), а институт власти бюрократического государства, наделённый функциями мобилизации масс» [3, с. 95].

Президент Сухарто осуществлял прямой контроль за деятельностью ГОЛКАР и лично назначал его руководство. Сухарто был «первым человеком», лицом партии власти. В результате ГОЛКАР стал крупнейшей социально-политической организацией Индонезии, структура которой отражала симбиоз армии и бюрократического аппарата государства.

Во второй половине 70-х гг. XX в. режим «нового порядка» канонизировал принципы Панча сила, закрыв дискуссию об их интерпретации. В 70-е гг. во всех учебных заведениях страны – от школ до университетов – был введён обязательный для изучения курс официальной идеологии. Среди индонезийцев начали проводить политический ликбез, работу по популяризации и разъяснению «Наказа о Панча сила». Доходило до абсурда. Министр по делам религии генерал Аламшах издал указ, согласно которому обязательным условием заключения брака должно было быть понимание принципов Панча сила женихом и невестой [18]. Он выступал также за именование любого гражданина Индонезии противником правящего режима, «антипанчасилаистом», если после четырёхлетнего курса изучения «Наказа о Панча сила» он не понял содержания и особенностей политической доктрины государства [22].

Принципы Панча сила в период режима Сухарто стали точкой концентрации властной энергии авторитарного лидерства. Через сакрализацию Панча сила началась сакрализация режима. Во второй половине 70-х гг. режим «нового порядка» оживил героический образ вождя революции Сукарно. Было начато массовое издание публикаций и книг о заслугах Сукарно. С одной стороны, это произошло потому, что Сухарто пытался в это время дать отпор исламистам. Образ Сукарно – последовательного противника создания теократического государства – в этом аспекте был выгоден. С другой стороны, основной причиной оживления прошлого стала невозможность «нового порядка» установить контакт с массой, с мархаэном. Именно поэтому власть предприняла попытку вновь вписать в политическую систему образ Сукарно.

В 50-е–80-е гг. XX в. в Индонезии сложилась во многом уникальная, но вполне объяснимая с точки зрения яванских представлений о власти ситуация. По сути, власть в стране на протяжении длительного периода принадлежала не конкретному лицу, лидеру, а идеологии Панча сила, персонифицировавшей в своих принципах представление о концентрации власти. Президенты, правители выступали в роли контрагентов идеологии, гарантирующей стабильность и порядок. Незыблемыми оставались принципы Панча сила, и было не так важно, Сукарно или Сухарто выступают в роли их проводников.

Аморфность источника власти заложена в действующей Конституции Индонезии 1945 г. В ней ничего не сказано о том, каким социальным силам принадлежит власть в стране. Статья 1 даёт общую формулировку о том, что суверенитет принадлежит народу, и полное осуществление власти принадлежит Народному консультативному конгрессу [14, с. 7]. Остальные официальные государственные документы также ничего не сообщают о том, кто является носителем политической власти в Индонезии. Подобные формулировки оставляли значительное поле для маневра авторитарным необонапартистским режимам. Сухарто продолжил курс Сукарно на построение модели корпоративного государства с индонезийской спецификой. Яванская политическая культура не предполагала формирование общества с антагонистическими противоречиями. Режим, осознавая необходимость признания очевидной стратификации общества, осуществил деление социума на функциональные, профессиональные группы. Сухарто активно апеллировал к тезису о внеклассовом характере власти в Индонезии и необходимости формирования бесклассового общества.

В основе доктрины Сухарто лежала разнородная структура высших органов, поскольку в их состав в 70-е гг. вошли технократы, представители крупного бизнеса, западоориентированной интеллигенции, зажиточного крестьянства (к ним принадлежал и сам Сухарто). Основным вектором режима «нового порядка» было катапультирование развития либеральной капиталистической экономики, что приводило к значительному росту госкапитализма и частного бизнеса. В городах резко возросло количество наёмных рабочих, в социальной сфере наметился резкий рост национальной буржуазии [8, с. 106].

Сухарто, проводя ускоренную модернизацию, «заклинал» индонезийское общество, давая ему психологическую установку на отсутствие противоречий. Ему было необходимо легитимировать концентрацию власти в руках военно-бюрократической верхушки и отсутствие возможности у большинства социальных слоёв получать доступ к реальному воздействию на политическую власть в стране.

Общность социального происхождения и интересов устраняла противоречия между бюрократическим капиталом и военными. Это способствовало созданию монолитной поддержки режима и укреплению власти.

Сухарто сумел унифицировать государственную идеологию, сделав Панча сила непререкаемым по авторитету источником власти. В 1985 г. Панча сила была принята в качестве безальтернативной официальной государственной идеологии как теоретической основы любой общественно-политической организации. Тем самым были введены жёсткие ограничения на деятельность последних, что привело к очередному укреплению режима [8, с. 108].

Будучи лидером, опирающимся на яванские представления о власти, Сухарто продолжил линию Сукарно – монарха-храмостроителя. Ценнейшим информационным источником для понимания специфики индонезийской политической модели является мемориальный комплекс «Священные принципы Панча сила» в Джакарте. По пространственному решению комплекс является аналогом шиваистско-буддийских храмов Явы периода империи Маджапахит [2]. Он выстроен на месте событий 30 сентября 1965 г. Оказываясь внутри, паломник начинает движение по процессионной дороге, которая проходит через несколько внутренних дворики, застроенных культовыми сооружениями, продвигаясь к главному строению – каменному храму [15, с. 118–140]. Храмом служит мемориал пяти принципам Панча сила и семи героям революции – расстрелянным генералам. В памятнике выделяются расположенные по вертикали три структурно-тематических пласта – «земля», «средний мир», «небо». Тематика их детально продумана и сакрализована. Массивное основание памятника «повествует» о чужеродности природе индонезийского режима коммунистических воззрений, предающих национальные интересы Индонезии. Это мирская сторона бытия. Она выдержана в духе изображений Борободура, посвящённых зоне чувственной жизни и является нарушением нравственного закона. Второй пласт – это сфера идеальных форм, скульптурное изображение «Семи героев» – казнённых генералов. Скульптуры вырастают из низкого, мирского в вечность, они символизируют беззаветное служение официальной идеологии – принципам Панча сила. Священный дух Панча сила получил воплощение в третьем пласте, который венчает памятник птице Гаруде, парящей над героями. По аналогии с верхней ступой Борободура она символизирует Абсолют, сакрализирует идеологию государства. По сути, принципы Панча сила становятся новой религией индонезийского национализма [12, с. 64–65].

Сухарто неоднократно заявлял, обосновывая жизнеутверждающую энергию Панча сила, что она является концентрированным выражением универсальной гармонии, присущей индонезийцам [19, с. 20–21]. Его логика вписывалась в яванские традиции, так как многим синкретическим культам Явы было присуще понятие о всеобщей гармонии – «кебатинан» (от «*batin*» – внутренний опыт индивида) [15, с. 232]. Возникшие в средневековье, эти представления не только не утратили своего значения в период исламизации Архипелага, но и ассимилировали ряд исламских элементов. По мнению Ли Хунчоя, ««кебатинан» выступает в виде метафизического поиска гармонии индивида с его внутренним «я», индивидуальной гармонии и гармонии коллектива, гармонии с природой, со Вселенной, с Богом. Это синтез мистицизма, метафизики и других эзотерических доктрин – типичный продукт яванского духа» [17, с. 180]. Трактовка идеологии Панча сила в соответствии с мировоззрением «кебатинан» является экстраполяцией яванских представлений истеблишмента Индонезии. Несмотря на исламизацию Архипелага, синкретические культы были широко распространены в правящей элите страны в 70–80-е гг. Советник Сухарто С. Хумардани считался видным экспертом по яванскому оккультизму [14, с. 24–25]. Сам президент в молодости три года пребывал на обучении у яванского мистика Р. Дарьямо [21, с. 93–94].

Оказывая покровительство мистическим сектам, режим «нового порядка» обозначал философию Панча сила как концентр культурно-религиозной традиции, сужая поле влияния исламистов и массовой культуры Запада. Тем самым он выступал против процесса глобализации, вестернизированного стиля жизни и образа мышления.

К началу 80-х гг. макроэкономические показатели свидетельствовали об успешности проекта Сухарто. Финансы бизнес-кругов стали рабочим инструментом, «кровью» экономики. В то время как при Сукарно предпринимательский капитал, по определению Н.Э. Севортына, «являлся участником исторического представления, закончившегося проигрышем по причине дисбаланса составляющих общественного прогресса (идеологии и власти; политики и экономики)» [11, с. 228].

Годовой доход на душу населения составлял в 1970 г. – 80 долл. США, в 1980 – 396 долл. США, а в период с 1981–1983 гг. – 500 долл. США [6, с. 207]. В Индонезии началась трансформация аграрно-сырьевой экономики в аграрно-индустриальную. Значительную роль в индонезийской экономике играла Финансовая группа Сухарто, которой удалось устранить дисбаланс в крупном бизнесе, сформированной при Сукарно в основном из членов китайской диаспоры. В новых условиях

бизнес-элиты почти полностью состояла из индонезийцев. Характерной особенностью Финансовой группы было то, что она не осуществляла напрямую политическую власть и не вела предпринимательскую деятельность. Она играла роль канала, с помощью которого бизнес оказывал влияние на руководство страны. Власть в итоге корректировала политические интересы с экономическими запросами национального капитала.

В политической системе «нового порядка» только фигура президента являлась не фиктивным, а реально действующим институтом власти. По мнению С.Л. Каринина, «механизм осуществления власти был продуман таким образом, чтобы ни одна функция ни одного органа государства не была независимой от суперцентральной власти президента и его аппарата» [8, с. 112].

Сухарто удалось создать стабильный режим, застрахованный от потрясений механизм власти, лишённый дисбалансов «направляемой демократии». Успех «нового порядка» заключался в убедительном и органичном синтезе яванской традиционности как фундамента индонезийской нации и тотального контроля над политическим процессом со стороны авторитарного лидера. Главным в правлении Сухарто стал уход от модели «перевернутой пирамиды» [11, с. 236] общества, в которой все социальные интересы подчинены потребностям идеологии, а потому малоэффективны и лишены перспектив.

Литература:

1. *Бельский А.Б.* Идеология национально-освободительного движения в Индонезии в 1917–1942 гг. – М., 1978. – 213 с.
2. *Бондаренко Г.Г.* Культура и идеология средневековых государств Явы. Очерк истории VIII–XV вв. – М., 1984. – 324 с.
3. *Голубева Е.В.* Государственная власть и партийно-политическая структура в условиях буржуазно-авторитарного режима Индонезии и Филиппин // Политические отношения на Востоке. – 1990. – С. 89–97.
4. *Дюверже М.* Политические партии. – М., 2000. – 613 с.
5. *Ерасов Б.С.* От национализма к патриотизму. Тенденции эволюции в странах капиталистической ориентации // Азия и Африка сегодня. – 1976. – № 8. – С. 33–34.
6. Индонезия. Справочник. – М., 1983. – 127 с.
7. *Ионова А.И.* Об эволюции «национальной идеологии» в Индонезии (60–70-е годы) // Народы Азии и Африки. – 1974. – № 2. – С. 31–38.
8. *Каринин С.Л.* Социальная природа политической власти в Индонезии // Политическая власть и конституция в развивающихся странах. – 1987. – С. 102–110.

9. *Маркс К., Энгельс Ф.* Собрание сочинений. – Т. 12. – М., 1957. – 554 с.
10. *Пахомова Л.Ф.* Модели процветания. Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия. – М., 2007. – 322 с.
11. *Севортян Н.Э.* Исторический опыт жесткой власти (индонезийский пример) // Авторитаризм и демократия в «третьем мире». – 1991. – 225–233 с.
12. *Сумский В.В.* Национализм и авторитаризм: политико-идеологические процессы в Индонезии, Пакистане и Бангладеш. – М., 1987. – 213 с.
13. *Anderson B.* The Idea of Power in the Javanese Culture // Culture & Politics in Indonesia. – 1972. – P. 19–32.
14. Constitution of the Republic of Indonesia. – Jakarta, 1975. – 43 p.
15. Far Eastern Economic Review. – 1978. – March 31.
16. *Geertz M.C.* The Religion of Java – Chicago, 1976. – 569 p.
17. *Lee Khoon Choy* Indonesia between myth & Reality. – L., 1976. – 334 p.
18. Merdeka Jakarta. – 1978. – July 01.
19. Pandangan presiden Soeharto tentang Panca sila. – Jakarta, 1976. – 332 p.
20. *Peacock J.M.* Indonesia: An Antropological perspective Pasific Palisades. – L., 1973. – 331 p.
21. *Roeder O.G.* The smiling General. President Soeharto of Indonesia, – Jakarta, 1970. – 455 p.
22. Sinar Indonesia Baru. – Medan, 1978. – June 09.